

Тайная жизнь Михаила Шолохова

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Тайная жизнь Михаила Шолохова ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ МИХАИЛА ШОЛОХОВА

И сразу вопрос: почему «тайная жизнь»?

Добравшись до архивов компартии и КГБ, автор книги с тем же названием, писатель Валентин Осипов, был искренне изумлен обилием не тронутых журналистами и литературоведами документов Шолохова и о Шолохове.

Попробуйте себя проверить: что вам лично известно о Нобелевском лауреате Михаиле Александровиче Шолохове.

Родился в Воронежской губернии в 1905, умер от рака в 84-м. Был и депутатом Верховного Совета, и членом КПСС, и академиком... Но встает ли за всем этим забором из сухих цифр живой человек со своим отношением и к гражданской войне, и ко второй мировой (кстати, это он в числе самых первых в стране высказал, что война обязательно примет отечественный, всенародный характер), и к Сталину, и к Хрущеву, и к Брежневу?..

Богатство потрясающих душу материалов, составляющих книгу, которая вышла в издательстве «Либерия» и стоит-то всего семь рублей(!), не позволяет донести до читателей в одной статье даже тысячной доли интереснейшей информации. Глаза разбегаются: с чего начать, с какой темы?

Ведь современному читателю всё может оказаться важно. И то, с какими мытарствами и под каким нажимом Сталина создавались «Тихий Дон» и «Поднятая целина», вычеркнутая сегодня из чисто политических соображений из многих школьных программ. И то, почему Михаил Александрович не был репрессирован в тридцатые годы, хотя уже к началу войны 1941-45 г.г. погибло около тысячи советских литераторов. И то, почему он, Нобелевский лауреат 1965 года, так мало, в сущности, написал. И то, наконец, почему не жаловали его особо Хрущев и Брежнев...

И всё же, испытывая уважение к бескомпромиссной и отчаянно смелой душе великого русского художника, начну с тридцатых...

Ибо полагаю, что любая книга только тогда и читается с воодушевлением и вниманием, когда хорошо понимаешь логику самого автора, когда проникаешься его чувствами.

...Прежде всего, конечно, человека характеризует его ежедневная среда, семья и его отношение к ней.

Мама... Он у неё единственный. Сам научил её читать. Она гордилась им. Погибнет во время бомбежки 8 июля 1942 года, можно сказать, на глазах у сына, который два дня назад прибыл к ней в станицу, чтобы подлечиться после тяжелой контузии. Она радовалась, плакала и благословляла Сталина, с которым накануне встречался «Миша».

Остальные его близкие, с чисто политических позиций того времени просто опасны. Супруга Мария Петровна, мать четырех детей писателя, дочь казачьего атамана. Её брат Громославский – «служитель религиозного культа», дважды репрессирован. Другой ближайший родственник, Владимир Шолохов, директор местной Еланской школы, окормляемой писателем, хоть и комсомолец с 1924 года, обвинен в том, что в школе насаждались «религиозные взгляды», дети читали Библию. Лучший друг, секретарь райкома партии Луговой, будет так же не раз арестован. Левицкая, старая партийка, с писателем познакомилась, когда заведовала отделом в издательстве «Московский рабочий», работник ЦК, потом Московского горкома, задушевный товарищ Шолохова по переписке, в тридцатых осиротеет: схвачены дочь, муж другой дочери. Актриса Эмма Цесарская, прелестная молодая женщина, первой сыгравшая в отечественном кинематографе Аксинью (фильм этот так и не увидят зрители – арестован), ещё один верный товарищ опального романиста, останется без жилья, без работы: муж репрессирован. Земляк- дипломат, с которым побывал в поездке по Европе, Георгий Астахов, сгинул где-то в ГУЛАГе в 1942. Расстрелян один из прототипов Григория Мелехова, с коим Шолохов встречался. Арестован прототип и коммуниста – двадцатипяти тысячника Давыдова, некто Плоткин...

И сколько их ещё, «щепочек» этих, о которых Сталин сказал: «Лес рубят – щепки летят»! И которых после войны он назовет другим уменьшительным именем – «винтики».

Так что же, не лишена справедливости характеристика журнала «Знамя» от 1991 года: «Драматический перелом, слом личности автора эпопеи... слом, по свидетельствам, достаточно резкий и внезапный»?

Нет, не резкий, и не внезапный. И не перелом. Личность Шолохова вовсе не была сломлена всем тем кошмаром, что он пережил в тридцатые, и что переживала страна.

Мне кажется, что более близка к истине другая оценка, из дневника К. Чуковского: Шолохов – великий писатель, «надорванный сталинизмом».

Правда в том, что в тридцатые и последующие годы Сталин остается, по словам Осипова, одним из главных лиц биографии писателя. А у тирана крупные неприятности: на выборы в состав ЦК против него проголосовало 270 делегатов 27 съезда ВКП (б). Это несмотря на их внешнее подхалимство.

Шолохов с грубоватой своей станичной прямоотой, с какой однажды, кстати, показал в Кремле кукиш помощнику Сталина Поскребышеву, однажды даже спросил вождя: а так ли уж нужны тому его портреты на каждом углу в каждом городе, в каждом кабинете. На что Сталин с какой-то умной усмешкой ответил (и Шолохов никогда не сомневался в его искренности): народу, мол, нужны божки. Не боги, а именно что «божки». С такой иронией и о народе можно отозваться «народишко»...

Однако «божки» – ключевое слово к тайне отношений вождя и писателя. И Сталин, и Союз писателей, и, якобы, сам народишко – читатели («Тихий Дон» настольная книга каждого активного колхозника», по словам Фадеева), в течение долгих четырнадцати лет настойчиво и упрямо толкали писателя к тому, чтобы он сделал из Григория Мелехова казака – коммуниста. Изваял бы из него «божка».

«Непутевую Лушку», как прозвучало сначала на Первом всесоюзном съезде писателей, затем в «Правде», из уст почетной гостии – колхозницы: необходимо было вообще «переписать», переделав её в «передовую». И облагородить в обоих первых романах Шолохова сам облик колхозной донской жизни. Ведь когда перед началом Великой Отечественной войны решалось, давать ли Михаилу Александровичу Сталинскую премию, Фадеев прямо сказал, что

оскорблен концовкой романа в «самых лучших советских чувствах»: «14 лет писал, как люди друг другу рубили головы, – и ничего не получилось в результате рубки. Люди доходят до полного морального опустошения, и из этой битвы ничего не родилось». Его поддержали Довженко, косвенно Николай Асеев. Алексей Толстой: «...Ошибка. Григорий не должен уйти из литературы как бандит. Это неверно по отношению к народу и революции... Нам кажется, что эта ошибка будет исправлена волей читательских масс, требующих от автора продолжения жизни Григория Мелехова».

На этом же заседании присутствовал Сталин, волей которого премия писателю будет всё-таки присуждена. Хотя в «Тихом Доне» нет ни одного упоминания имени вождя. Хотя, если бы Шолохов вложил в уста своих героев – «божков» сталинские лозунги, тем самым он и оправдал бы политику коллективизации – по-сталински, то есть путем насилия и страшных жертв.

А на первом форуме писателей страны политическое давление на них было таким сильным, что именно после съезда и Пастернак, и Мандельштам написали стихи о Сталине. Дрогнул и Булгаков. Принялся за повесть «Хлеб» с образом Сталина «советский граф» Ал. Толстой. И только Шолохов не пожал протянутую ему царственную руку Иосифа Виссарионовича.

После 1934 года Шолохов, если судить по собранию сочинений, напечатал только одну небольшую статью – «Красная Подкушевка». Она о красных партизанах в гражданскую.

И замолчал «специальный корреспондент» «Правды» аж до военного лета 1941. Когда стал, одним из первых, фронтовым корреспондентом «Красной звезды», наряду с Толстым, Эренбургом, Павленко, Платоновым, Габриловичем, Кривицким. «Судьба человека» с её острейшей темой плена могла, конечно, появиться только после смерти Сталина. Зато во фронтовую пору начали печататься и даже передаваться по телеграфу в Америку главы «Они сражались за Родину» и издаваться в Америке, Англии и Индии «Наука ненависти».

Но это будет потом... В марте же 1935 года Шолохов пишет в Москву: «Тихий Дон» я всё-таки не буду печатать в журнале. Твердо решил печатать сразу книгой». Почему? В журналах и

газетах роман выходил главами. А после каждой такой дозы доза ядовитой критики, новый виток политических гонений.

Михаил Александрович сообщал Левицкой в письмах, что одновременно работает над обоими романами. Но в воспоминаниях Лугового есть строчка, объясняющая, почему всё-таки вторая книга «Поднятой целины» была издана писателем только через шесть лет после смерти Сталина, в 1959 г.: «Тут путь преградили известные перегибы».

По рассказам Светланы Михайловны, дочери писателя, В. Осипову, вторая книга романа «Поднятой целины» была написана Шолоховым уже к 42 году. Сгорела во время уже упомянутой бомбежки. Была написана, но не отдавалась Шолоховым в печать. Название – «Поднятая целина» – не Шолохов дал роману. Его приклеили в редакции журнала. Шолоховское же правдивее: «С кровью и потом», хотя и не так красиво. Но видел писатель и смерть земляков своих от голода в начале тридцатых годов, во время и по причине насильственной коллективизации, был беспристрастным свидетелем и «головокружения от успехов» – отсюда «кровь и пот».

Ну а почему в названии «целина»? Словечко самого Сталина, спущенное к народу через газету «Правда».

Саботаж! Вот что учинял, по сути, этот будущий Нобелевский лауреат. Сталин учил давыдовых напугать, прижать к стенке, вынудить подчиниться казака. Уничтожим кулака, мол, середняк сам перед нами вытянется. И поэтому понуждали середняка вытягиваться, раскулачивали и его. Но нет в романе Шолохова и угодной Сталину схемы с «классовым сознанием» или «пролетарским чутьем».

Меж тем уже в начале тридцатых годов оба романа активно переводятся на европейские языки, внимательнейшим образом читаются и обсуждаются в печати русской белогвардейской и белоказацкой эмиграцией. Шолохов у всех на виду: вот положение-то! Ягода же, прочитав «Тихий Дон», так ему и сказал: «А ты, Миша, всё же контрик. Твой «Тихий Дон» ближе белым, чем нам». И тут то в роли преследователя, то спасителя то и дело оказывался неоднозначный Сталин.

«Саботаж» – тоже неприятное слово из письма Иосифа

Виссарионовича Шолохову. В нем вождь называет казаков, сопротивлявшихся голоду в 32 – 33 г.г., «саботажниками». Им ведь предлагается сдать последнее зерно и умереть... При этом в центральной печати не проходит ни одного упоминания о 25-30 миллионах голодающих (цифры Сталина из его более поздней оценки этого чудовищного времени). Точно так же будет тщательно замалчиваться потом в войну и голод окруженного и сражающегося Ленинграда. Это Шолохов поможет опубликовать в «Комсомольской правде» в 42 году «Февральский» и «Ленинградский» блокадные и достаточно откровенные поэтические «дневники» Ольги Бергольц.

На самом деле, в тридцатые годы Шолохов вовсе не был морально сломлен. Не желая славить Сталина, он вовсе не отмалчивался в письмах к нему. И в апреле 33-го протестовал и против перегибов, и против обвинений казаков в саботаже. Даже осмеливался по-своему давить на вождя: «Лучше написать вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины».

Ослушался и тогда, когда ему передали через Горького пожелание Сталина написать пьесу «Поднятая целина». Потом решил написать пьесу вообще о колхозной жизни. Но отложил рукопись на половине. Врать не мог. И признался в одной статье: плох был бы тот писатель, который приукрашивал бы действительность в прямой ущерб правде.

«Комсомолка» намекнула ему, сообщив: Шолохов начал писать рассказы. Но нет в тридцатые годы и рассказов. Тихий, молчаливый саботаж, писание «в стол».

Тогда Сталин попробовал ещё раз накормить писателя пряниками. Решением Политбюро на валюту партии его посылают в Англию и Данию, где его приезд замечают: «Всемирно известный писатель, автор современной «Войны и мира», разъезжает по деревням, залезает в свинарники...»

Но Шолохов прекрасно понимает, что такая поездка, по сути, очередное приглашение к публичным откровениям в печати. От писателя ждут примерно таких строк журнального отчета: «Есть воздух, в котором дохнут птицы, вянут цветы. Это воздух зарубежных стран» (И. Эренбург). Надо же поддержать осуждение

аграрной политике Запада, прозвучавшей из уст самого Сталина: «Аграрный кризис усилился и охватил все отрасли сельского хозяйства, в том числе животноводства, доведя его до деградации».

А что Шолохов? Это не первая его поездка на Запад. Ещё в конце двадцатых он сообщал в одном частном письме, что в Германии действительно кризис, но... перепроизводства. Всего навалом. Кстати, почему он не остался тогда в Европе? Ведь уже в те годы стал весьма читаемым на Западе молодым (25 лет) писателем. Объяснил это так: скучно у них там.

Отмолчался он и на это раз. Ни строки о своей дальней поездке. А Плоткину в письме высказал свои грустные соображения о жизни «у нас»: «...Зажиточная жизнь не удалась в этом году. Я, признаюсь, сомневаюсь, что она придет в следующем...».

А люди в стране Советов были и тогда замечательные! Замечательные своей беззаветностью, своим терпением! Днепрогэс, Магнитка, Турксиб... Но, видимо, и от его книг что-то получают. Потому (есть такой слух) челюскинцы успели снять с тонущего корабля всего четыре книги. И среди них, наряду с Пушкиным, «Тихий Дон»...

А Шолохову, меж тем, предлагают: не пишется о деревне, поезжай в город! Устроим! Пиши о строящихся заводах. Разве не тема?

Отказывается. Ведь если бы согласился, стал бы противоречить своим собственным убеждениям. Помните, как иронически отзывались станичники о Давыдове, который, ничего не мысля в сельском хозяйстве, меж тем приехал именно его «поднимать»?

Можно было бы Шолохову и о передовом колхозе написать! Не везде же люди пухли от голода! Так почему не пишет?

Объяснение этому можно найти в «Поднятой целине». Один станичник, которого все считают дядей с придурью, объясняет Давыдову: «Вам с Макаром только... на лошадях во весь опор скакать, чтобы мыло с них во все стороны шмотьями летело...», и далее: «Мы, народ то есть, живем пока потихоньку, пока шагом живем, нам и надо без лишней суеты и поспешки дело делать». И Давыдов, как человек не глупый, понял этого колхозника.

Вот и Твардовский пишет в своей «Стране Муравии»: «Товарищ Сталин! Дай ответ, Чтоб люди зря не спорили: Конец предвидится

ай нет Всей этой суетории?»

Значит, в точку попал и колхозник «с придурью», и сам Шолохов. И нам, сегодняшним, понять непринятие той «сутолоки» жизни не так уж и сложно. Потому что сами живем вот уже лет десять, как будто на пожар спешим. Меняются власти, Конституции, депутаты, формы и методы правления, составы богатых и бедных. Сутолока политических направлений и партий у власти.

Да и мы сами, внутренне, очень быстро меняемся, иногда даже в каком-то ажиотаже. Но посеянное в спешке, не глядя, может не дать всхода вообще, а может дать его и на проезжей дороге. Трудно мыслить в толпе, рожать, воспитывать детей на бегу. Где уж тут время выявить и силы, которыми спасется страна?...

Вот и пророчат нам с телевизора врачи, что стрессы, депрессии, то есть иными словами, физическая и моральная усталость общества, выйдут в ближайшие пять лет на второе место в стране по количеству заболевших.

Сейчас неврозы на шестом... А между прочим, восстановление сил, необходимых человеку и для творчества, и для любви, и для продолжения рода после того уже, как стресс подорвал эти силы, восстанавливаются лишь на третий год болезни, и то только у десяти процентов заболевших.

Но есть у жизни в «сутолоке» и ещё одна неприятная сторона. Человек может и не успеть растратить часть своих сил. Меж тем, по новейшим теориям, многие болезни и человека, и человеческого сообщества порождаются именно неизрасходованной вовремя энергией. Болезнь и есть, по сути, быстрое сжигание переизбытка накопленных и не выплеснутых на объекты созидания сил...

С Шолоховым, похоже, происходит и то, и другое. Приглашают его, например, в Париж на антивоенный конгресс. Отказывается строптивец. А потому и не едет, что понимает: накопив впечатления, всё равно потом их не выплеснет. Негде будет сказать именно то, что захочется.

Однако терпение Сталина подходило к концу.

В 36-м НКВД завело так называемое «вешенское дело». Арестованы коммунисты, которых хорошо знал Шолохов. В очередном письме Сталину он не отказывается называть их своими «товарищами» и

упрямо доказывает их невиновность.

...На писателя сыплются анонимки. НКВД распространяет слухи, что казаки готовят на Шолохова покушение. Потом, что, де, сам Шолохов готовит покушение на вождя, уговаривая одного музыканта, приглашенного в Кремль, спрятать маузер в гармонии.

37-ой. «Литературная газета» печатает коллективное письмо с грозным названием «Шпионы и убийцы». Это просьба усилить уничтожение «врагов народа». Подписи Фадеева, А. Толстого, Маршака, Павленко, Олеси, Ясенского...

Шолохова среди кликушествующих нет.

Что ж, и это лишний повод разделаться с самим Шолоховым. Помощник Хрущева Лебедев потом расскажет К. Чуковскому, что у него есть документы, из которых следовала воля вождя физически уничтожить Шолохова. Писатель чувствовал, что подбираются и к нему. Но в том и состоял парадокс времени, что порой защиту от Сталина нужно было искать лично у Сталина. Шолохов ринулся в Москву. Оставил записку Сталину: «...Очень хотел бы Вас увидеть, хоть на пять минут!» Нет ответа ни на его огромное письмо, в котором подробно о мытарствах арестованных и пытаемых товарищах, ни на записку!..

Защита пришла неожиданно. Из Союза писателей. Один из руководителей Союза, Владимир Ставский, погибший на фронте в 43-м, узнал о «вешенском деле», встретился с Шолоховым и сразу секретное письмо Сталину: «В порыве откровенности Шолохов сказал: «Мне приходят в голову такие мысли, что потом самому страшно от них становится». Я воспринял это как признание о мыслях про самоубийство».

И при этом опять политическое давление на Шолохова: «Я в лоб спросил его, не думал ли ты, что вокруг тебя орудут враги в районе и что этим врагам выгодно, чтобы ты не писал? Вот ты не пишешь – враг, значит, в какой-то мере достиг своего! Шолохов побледнел и замялся». В другом месте письма Ставского Шолохов объясняет ему: «...что обстановка и условия его жизни в Вешенском районе лишают его возможности писать». Любого лишили бы! И всё же, как ни рисковал Михаил Александрович в эти трудные два года самой жизнью своей, и Ставскому упрямо твердит: «Большевиком же я его (Мелехова – И.Р.) сделать не

могу».

Григорий, в конце концов, бросает оружие и борьбу и против красных, и против белых. Но политический ли компромисс это со стороны Шолохова? Едва ли. Шолохов был, в сущности, скорее «красным», чем «белым». Скука европейской жизни для него в том и заключалась в конце двадцатых годов, что вне родины он бы не смог быть собой, то есть, как он пишет в одном письме, человеком, половина жизни которого уже прошла к тому времени в советской России. Да и тонкий Бунин, другой Нобелевский лауреат, прочтя вскоре «Тихий Дон», напишет в своем дневнике о Шолохове: «Всё-таки он хам, плебей. И опять испытал возврат ненависти к большевизму», хотя сам Шолохов любил стихи и рассказы Бунина, и Иван Алексеевич отмечает всё в том же дневнике талантливость советского писателя наряду с неприятной «цветистостью» его слога.

Приходит в голову, что некоторые взгляды Шолохова сближают его с Пушкиным. Похоже, что Михаил Александрович сознательно желал быть «просто писателем», то есть, прежде всего, летописцем современной ему истории, вроде Пимена, который учил монаха Григория: «Описывай, не мудрствуя лукаво, всё то, чему свидетель будешь...».

Но от него требовали, чтобы он был ещё и политиком. Мало — фанатиком-коммунистом. Как его антипод и любимец Сталина писатель Парфенов, сочинитель эпопеи о благополучной коллективизации с загадочным названием «Бруски». Парфенов во всеуслышание утверждал, что «писатели-коммунисты никогда не пренебрегали политикой. Они — общественники и в любое время готовы сменить перо на винтовку». Потому он и сталинский любимец.

Но ведь истина жизни заключается в том, что занятия политикой и настоящей литературой одновременно невозможно. Политик всегда «мудрствует», в этом его призвание. Ему часто мешают «правдивые рассказы» совестливых Пименов. И тогда политики начинают мешать творчеству писателей. Сталин творил политику... И Мандельштам просил, чтобы не уничтожали его стихи о Сталине, которые он написал, конечно же, не по зову сердца. Но эти стихи были частью его жизни, частью истории, истории страшной,

противоречивой, но истории, которая, по мнению Мандельштама, должна была быть рассказана «правдиво». И ради сохранения благородства своего, ради честности и уважения к себе как к писателю, он и просил эти стихи оставить. Это были свидетели истории его трагической жизни.

Шолохов был благороден по-своему. Не суетничал. Не измелъчался. Твердо знал, чего хочет. И с упрямством мужика гнул свою линию. Знал и говорил, что «нельзя объять необъятное. А зачастую к писателям подходят с несоразмерными требованиями».

И Шолохов вовсе не кривил душой, когда говорил Ставскому, что «никаких разногласий с политикой партии и правительства у меня нет». Разве не радовался он каждой производственной победе своего народа? Но при этом сколько требовательных писем написал он этому главному действующему лицу своей биографии! Во время голода среди станичников Михаил Александрович добился почти невозможного. Того, что Сталин выслал истощенным донским колхозникам сто шестьдесят тысяч пудов зерна.

Получив письма Шолохова, а потом и Ставского, Сталин разрешил-таки вызвать в Москву арестованных «товарищей» Шолохова. Наконец, «...повели к Ежову, – вспоминает Луговой. – В кабинете наркома сидел Михаил Александрович Шолохов. Я прежде всего посмотрел, есть ли у него пояс... Я понял, что Шолохов не арестован».

Мария Петровна рассказывала Осипову, что вся станица вышла встречать освобожденных земляков. Луговой и Логачев плакали. А казаки подходили к Шолохову и благодарили.

Слова «благодарили» и «благородство» хотя и не однокоренные, но, согласитесь, близки по смыслу. Политики же не часто позволяют писателям поступать благородно.

В 38-м Шолохову всего тридцать три. А он опять упорно, требовательно пишет Сталину. Да, мол, дорогой товарищ Сталин, трех честных коммунистов вы освободили. Но в остальном ничего не изменилось. «Невиновные сидят, виновные здравствуют, и никто не думает привлекать их к ответственности...»

Сталин сводит проблему «врагов народа» к частной: «Травля Шолохова. Ежову». А Шолохов честно признается в это время

Левицкой: «...Пишут со всех концов страны, и, знаете, дорогая Евгения Григорьевна, так много человеческого горя на меня взвалили, что я начал гнутья».

Ежов присылает в Ростовскую область своего проверяющего. Тот нашел лишь «отдельные ошибки» следственных органов, «которые мы исправили...». Но всё же кому-то из арестованных опять помог Шолохов. Вопреки осторожности поддерживал письмами осиротевшую Левицкую. Эмме Цесарской по ходатайству Шолохова вернули жилье, нашли работу в кино. Она снялась в фильме «Девушка с характером».

Поможет ли себе в 38-м надоевший Сталину правдолюбец?

Шолохов сам рассказывал Валентину Осипову, как в 38-м товарищи предупредили его: получено указание его арестовать. Опять бежал, теперь уже вместе с Луговым. На полуторке. Куда? В Москву. Сталин принял: «Дорогой товарищ Шолохов напрасно вы подумали, что мы поверили бы этим клеветникам... Говорят, Вы, товарищ Шолохов, много пьете?» — «От такой жизни, товарищ Сталин, запьешь!» — «Ну что, Николай Иванович (Ежову), будем снимать с него его кавказский ремешок?» Так вот и надрывал силы в человеке, самым Богом награжденном творческими силами, пресловутый сталинизм.

Роста был Шолохов маленького, худенький, стройный. С профилем Григория Мелехова и, пожалуй, его характером. И когда роман «Тихий Дон» был закончен, поняли, что не удалось Григория сделать своим, отдали его на поругание критиков-политиков, и те называли его «воинствующим идеологом сословного казачества» и «отщепенцем»...

Даже Фадеев как-то заметил на каком-то форуме, что, якобы, в Шолоховском романе нет крупной и высокой «идеи».

Зато сколько сострадания человеку! «Что же это у тебя, Миша, все гибнут в конце романа?» — спросил как-то Шолохова друг о героях «Поднятой целины». — «Да их бы всё равно всех перебили бы лет через пять!».

И сгибался иногда Шолохов под тяжестью ноши исторического времени, но не ломался, всё равно донес до потомков главное — правду, переданную с сопричастием. Потому что не пытался трусливо освободиться от пут времени. И от горьковатой судьбы,

общей его судьбы с народа.

Ирина РЕПЬЕВА. Edebi makalalar